

Жизнь возвысить до искусства...

Светлой памяти Нины Олеговны Гучинской

13 февраля, на 64 году жизни, скончалась Нина Олеговна Гучинская, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германской филологии РГПУ им.А.И.Герцена. Сегодня, когда отчаяние первых дней сменяется сухой горечью и скорбью, начинаешь яснее осознавать, кого мы потеряли, кого потеряла вся российская культура. Нина Олеговна Гучинская была ученым мирового класса.

Ученица В.Г.Адмони и Т.И.Сильман, продолжая лучшие традиции отечественной науки, она внесла вклад в развитие нескольких научных отраслей: филологии, истории богословия, философии. Ее научные работы посвящены проблемам поэтики, стилистики, истории и теории литературы, теории перевода, общего и сравнительного литературоведения, поэтической теории языка, истории немецкой христианской мистики и многим другим.

В нашем университете она открыла новое научное направление - филологическая герменевтика. Более 12 лет она вела на факультете иностранных языков семинар по герменевтике, собиравший слушателей со всего города. Итогом ее исследований в этой области стала книга „*Hermeutica in puse*» (Основы герменевтики), которая содержит оригинальную герменевтическую концепцию Нины Олеговны. Великолепный знаток немецкой литературы, Нина Олеговна читала лекции и делала доклады в университетах России и Германии, которые всегда пользовались большим успехом. Научное наследие Нины Олеговны Гучинской еще предстоит тщательно изучить. К сожалению, оно еще не оценено по заслугам. На то есть свои причины. Во-первых, сама она никогда не занималась саморекламой и пропагандой собственных идей. Она посвящала себя науке беззаветно, и что-либо подобное не могло прийти ей в голову. Кроме того, многие ее научные идеи рассредоточены по отдельным статьям, которые нужно собрать воедино и издать отдельной книгой.

Статья была для нее основным научным жанром, своего рода научной новеллой - *Kurzgeschichte*, как сказала она однажды сама. И действительно, ее статьи, будучи чрезвычайно емкими по научному содержанию, были написаны прекрасным языком, точным и легким, и читались как литературные произведения. Всякое наукообразие было для нее пошлым и бесплодным.

Нина Олеговна была человеком великолепной образованности, которая всегда отличала петербургскую интеллигенцию и, к сожалению, так редко встречается сегодня. Но в ее научной работе широта знаний представляется мне все же качеством вторичным. У нее был редкий дар научной интуиции. Пастернаковские строки "во всем мне хочется дойти до самой сути" можно отнести и к Нине Олеговне. Внешние академические знания были только условием познания изучаемого явления. Простое описание предмета, данное без раскрытия его внутренней сущности, она не принимала, т.е. не считала его истинно научным.

Продолжением научной работы Нины Олеговны была работа переводческая. Переводить она начала еще в студенческие годы, пройдя школу у таких мастеров, как С.В.Петров, Е.Г.Эткинд, Т.И.Сильман. В своей работе она мерила себя их мерой. Случилось так, что основные переводы Нины Олеговны вышли в свет лишь в последние годы. Это книги по философии: М.Бубер "Путь человека по хасидскому учению", М.Хайдеггер "Введение в метафизику"; богословию: Мастер Экхарт

"Избранные проповеди и трактаты" (Этот перевод со средневерхненемецкого был последней ее работой, его сигнальный экземпляр вышел в день похорон); мемуарная литература: Э.Юнгер "В стальных грозах" и "Излучения" (последний текст готовится к печати). Вся эта работа выполнена на высшем художественном уровне. Два перевода, однако, мне хочется выделить особо: перевод стихов немецкого поэта-символиста Стефана Георге и первый полный перевод на русский язык "Херувимского странника" немецкого христианского мистика эпохи барокко Ангела Силезского. Перевод поэзии был ее стихией, и она достигала в нем виртуозности.

Если науку Н.О. Гучинская возвышала до искусства, то искусство (искусство перевода) делала средством познания. Коли перевод неудачен, говорила она, значит, текст не понят, не познан.

Одним из важнейших признаков таланта Нины Олеговны была добросовестность. Мне вспоминается эпизод, который для стиля ее работы весьма характерен. Когда перевод Георге был завершен, многократно вычитан и уже подготовлен для печати, Нина Олеговна вдруг обнаружила, что у этого изысканного поэта нет ни одной рифмы, которая повторялась бы дважды. В принципе, этот мелкий факт не заметили бы даже знатоки поэзии Георге. Но для Нины Олеговны даже малейшее несовершенство было неприемлемым. Перевод был проверен заново и соответственно исправлен.

Не приходится говорить, какое удручающее впечатление производил на нее мутный поток переводной халтуры, особенно в сферах ей близких.

Нина Олеговна Гучинская была необыкновенным человеком, и мне хочется сказать об этом несколько слов.

Я познакомился с Ниной Олеговной 1 декабря 1989г., затем был ее студентом, аспирантом, имел честь быть ее другом. В тот день я пришел на семинар по библейской герменевтике (читалась 10 глава Евангелия от Матфея), и она сразу заняла центральное место в моей жизни (и я знаю, что так было не только со мной, а со многими людьми). Тогда шли первые годы горбачевской Перестройки, и в обществе, особенно в университетской среде, был большой подъем. И вот Нина Олеговна стала для меня олицетворением свободы, свободы слова и мысли.

Эмоциональное восприятие человека для меня всегда предшествует рациональному и действует на меня сильнее, и поэтому я никогда не забуду ощущения света и радости, которые были у меня и в тот день, и всякий раз, когда видел или слушал ее. Впоследствии, когда у нас установились уже дружеские отношения, мне нравилось в шутку обращаться к Нине Олеговне со словами "Ваша светлость!", употребляя это выражение не только в метафорическом смысле.

Возвращаясь к той лекции по герменевтике, признаюсь, что многое тогда упустил и не воспринял. Содержание каждой ее лекции было настолько концентрированным, что его с избытком хватило бы на целый спецкурс. Вместе с тем, в них не было ничего лишнего, уводящего в сторону, тяжеловесного. Наоборот! Возникало впечатление какой-то волшебной легкости, естественности, несложности самых сложных вещей. За этим стояли, конечно, мощный талант и кропотливая до изнурения работа. Слова Бальзака о том, что для него одна монотонная работа сменяется другой монотонной работой, она считала чрезвычайно точными.

Еще со студенческих лет она приучила себя работать. Большое значение сыграли, конечно, ее занятия музыкой, которые воспитывают в человеке самодисциплину и усидчивость. Но главное не в этом. Все дело здесь, безусловно, в природе таланта, который неуклонно стремится выразить себя. Человек менее талантливый

просто не сможет столько работать, ему когда-то либо все наскучит, либо что-то сумеет его отвлечь, либо оттолкнет собственная бесплодность. Умение не отвлекаться, не согнуться под житейским бременем, не растратить свой талант по мелочам, пройти свой путь до конца как Херувимский странник - это ведь тоже великий дар! Нина Олеговна могла пробиться через монотонность работы и выйти к главному: к творчеству.

Когда я думаю над этим, мне в голову приходит сцена из новеллы "Тонио Крёгер" Т.Манна, где русская художница Лизавета Ивановна называет писателя Тонио Крёгера "бюргером, сбившимся с пути (*Bürger auf Irrwegen*)". Лизавета Ивановна целиком посвящает себя своему искусству и не ищет земной славы и удовольствий, как Тонио, который страдает по бюргерскому миру. В работе Нине Олеговне была свойственна эта полная бескомпромиссность, какая-то особая неотмирность, которую я так любил, но в то же время воспринимал, как что-то для меня недоступное, немного даже пугающее.

Но то было только в работе. Как только речь заходила о делах земных, Нина Олеговна становилась милой и доброй, что называется "своим человеком". Когда я бывал у неё, то с порога она меня предупреждала: "Алёша, когда Вам нужно будет уходить. Вы мне, пожалуйста, скажите. Вы же знаете, я - женщина болтливая, языкатая, заговорю и не замечу".

О чем бы она ни говорила, слушать ее было одним наслаждением! У нее был прекрасный язык — богатый, образный, остроумный, остроумный не в поверхностном смысле, а в буквальном, связанный с остротой ума. Хочу сказать об одной детали, ее речь характеризующей. Нина Олеговна иногда допускала в свою речь "неправильности". Один мой знакомый, на защите которого Нина Олеговна выступала в общей дискуссии, показал мне стенограмму и сказал: "Смотри, как много у нее в речи инверсий!" Я посмотрел и убедился, что мой приятель прав. Я рассказал об этом Нине Олеговне. Она улыбнулась и сказала: "Вы делаете мне комплимент. Терпеть не могу гладкость в речи, всегда предпочитаю ей выразительность." Общение с молодежью она предпочитала общению со "взрослыми". Ее чаще можно было увидеть в обществе студентов, которые ходили за ней косяком (причем Нина Олеговна сама могла спокойно сойти за студентку — тоненькая и стройная), чем в обществе коллег. И дело, естественно, не в коллегах: я знаю, что, когда Нина Олеговна работала в школе, она дружила со своими учениками. В ней не было никакого чванства, ее просто тянуло к молодым, с которыми она чувствовала себя свободно и естественно, всегда на равных. Никаких комплексов, которые заставляют человека искать власти или, наоборот, покровительства, в ней не было. В этом мне видится ее глубокий внутренний аристократизм. Каждый человек в ответ становился рядом с ней лучше и чище.

Ее внутреннее благородство проявлялось, в первую очередь, однако, в том, что она всегда спешила на помощь слабому, гонимому. Ведь благородный человек - это всегда человек спасающий, помогающий другому с угрозой для себя. Так было в 1974г., когда выгоняли Е.Г.Эткинда, так было и много раз потом...

Вечная Вам память, дорогая Нина Олеговна!

